

Davažiņo
bibliotēkai
Mag. Lautenbachs
J. Fajņmanis
L. A. Bēdē.

Лаутенбах, Я.

По поводу статьи о латышской этнографіи.

Въ мартовской книжкѣ *Журнала Мин. Нар. Пров.* за 1904 г. профессоромъ А. Л. Погодинымъ помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Очеркъ развитія латышской этнографіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ“.

Можно вполне сочувствовать автору, если онъ хочетъ быть посредникомъ между учеными, незнающими по-латышски, и между „латышской наукой“. „Владѣя далеко не труднымъ латышскимъ языкомъ“, онъ могъ бы тогда знакомить „европейскихъ ученыхъ“ „съ ея результатами и матеріалами“. Но въ такомъ случаѣ необходимо ему хорошо знать соответствующій матеріалъ и литературу. Поэтому недостаточно, если онъ „въ своемъ скромномъ очеркѣ“ разсматриваетъ этнографическую дѣятельность только „нѣкоторыхъ латышскихъ органовъ“.

Г. Погодинъ говорить, что для полнаго обзорѣнія этнографической дѣятельности у латышей, „для ея полнаго разсмотрѣнія, для изученія всей массы этнографическаго матеріала, раскиданнаго въ разнаго рода періодическихъ изданіяхъ, календаряхъ и т. п., слѣдовало бы писать въ одномъ изъ центровъ, куда доставляется цензурнымъ порядкомъ все выходящее въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, т. е. въ бібліотекахъ Юрьевскаго университета, Императорской публичной или Императорской академіи наукъ“ (стр. 89). Относительно бібліотеки Юрьевскаго университета замѣчу, что туда лишь за послѣднія пять лѣтъ по моему личному старанію доставляются цензурнымъ порядкомъ всѣ выходящія латышскія и эстскія изданія. Далѣе, г. Погодинъ извиняется передъ читателемъ „въ невольной неполнотѣ“ своего очерка, потому что не имѣлъ „подъ руками“ „очень важнаго“ «Этнографическаго приложенія» къ ежедневной газетѣ „Dēnas Lapa“, но онъ не упоминаетъ и о длинномъ рядѣ выпусковъ „Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft“, гдѣ, между прочимъ, помѣщенъ интереснѣйшій этнографическій матеріалъ. Этого на самомъ дѣлѣ „очень важнаго“ изданія, составляющаго для изслѣдованія латышской этнографіи, такъ сказать, *conditio sine qua non*, г. Погодинъ вовсе не знаетъ, не говоря уже о другихъ журналахъ и изданіяхъ, гдѣ тоже встрѣчается этнографическій матеріалъ. Итакъ, не владѣя достаточно ни соотвѣствующимъ матеріаломъ, ни литературой „латышской науки“, латышской этнографіи, г. Погодинъ все-таки хочетъ „прослѣдить развитіе этнографіи у латышей“, „знакомить съ ея результатами и матеріалами европейскихъ ученыхъ“ (стр. 89).

Очевидно, что г. Погодинъ вовсе не знаетъ изслѣдованій по латышской поэзи. Онъ говоритъ: „Латышская поэзія до сихъ поръ какъ бы не существуетъ для науки, несмотря на многочисленныя изданія латышскихъ народныхъ пѣсенъ, появившіяся до сихъ поръ. Я не могу припомнить ни одного цѣльнаго и сколько-нибудь значительнаго изслѣдованія о поэтическихъ образахъ, ритмѣ, техническихъ особенностяхъ, даже содержаніи народной поэзи латышей. Отдѣльныя подробности, разбросанныя въ сочиненіяхъ Потебни, Мангардта, Биленштейна, конечно, нисколько не уменьшаютъ этого недостатка“... (стр. 90). Что латышская поэзія уже давнымъ давно „существуетъ для науки“, это мы сейчасъ увидимъ и, если г. Погодинъ не можетъ „припомнить ни одного цѣльнаго и сколько-нибудь значительнаго изслѣдованія о... народной поэзи латышей“, то это лишь доказываетъ его незнаніе этой области науки.

Еще съ XVII столѣтія европейскіе ученые начинаютъ обращать вниманіе на латышскую поэзію. И. Л. Брандъ (профессоръ въ Дуйсбургѣ, † 1691) опубликовалъ нѣсколько отрывковъ какъ литовскихъ, такъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ въ своемъ сочиненіи „Reisen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardten, Tweerien und Moskovien“ (1689 г.). Затѣмъ въ XVIII философскомъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя изслѣдованія о латышской поэзіи. О латышскихъ народныхъ пѣсняхъ трактуетъ Готгардъ Фридрихъ Стендеръ въ своей латышской грамматикѣ ¹⁾, именно въ помѣщенной тамъ шитикѣ. Матеріалы для обсуждения этого вопроса встрѣчаются и въ „Gelehrte Beiträge“, Рига, 1764 г. Формъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ касается, хотя вкратцѣ, I. Г. Гаманнъ въ своемъ сочиненіи „Kreuzzüge des Philologen PAN“, и въ романѣ Гипшеля „Lebensläufe nach aufsteigender Linie“ (вышли въ 1778—1781 гг.) подробно говорится о латышскихъ народныхъ пѣсняхъ, о народной поэзіи, а также и Гердеръ въ своей книгѣ „Volkslieder“ ²⁾ (изд. въ 1778 и 1779 гг.) обратилъ вниманіе на характеристическія свойства латышской народной поэзіи (народныхъ пѣсенъ и загадокъ). Въ XIX столѣтіи появляется необозримый рядъ изслѣдованій по латышскимъ народнымъ пѣснямъ и вообще народной поэзіи. Здѣсь могу указать лишь на нѣкоторыя изъ нихъ.

Когда изданы были Густавомъ ф. Бергманомъ первые сборники латышскихъ народныхъ пѣсенъ въ 1807 и 1808 гг., то вскорѣ послѣ того извѣстный англійскій романистъ Вальтеръ Скоттъ высказался о характерѣ латышскихъ народныхъ пѣсенъ, а его землякъ Р. Джемсонъ написалъ о нихъ подробную рецензію. Профессоръ Л. И. Реза, первый выдающийся собиратель и критикъ литовскихъ дайнъ (литовскихъ народныхъ пѣсенъ), въ своемъ обширномъ изданіи: „Dainos oder Litthauische Volkslieder. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte“, Кёнигсбергъ, 1825 г., касается и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, замѣчаетъ сходство между литовскими и латышскими народными пѣснями и т. п. Далѣе, д-ръ Каттерфельдъ (въ Magazin der lett.-liter. Gesellschaft, 1835 г.) очень подробно распространяется о латышскихъ народныхъ пѣсняхъ, ихъ содержаніи, ритмѣ

¹⁾ „Lettische Grammatik“, 1-ое изданіе Брауншвейгъ, 1761 г., 2-ое изд. Митавы 1783 г.

²⁾ Больше извѣстной впоследствии подъ заглавіемъ „Stimmen der Völker in Liedern“.

и т. д., при чемъ онъ ссылается на рукописную статью профессора д-ра Ульмана „Ueber das Volkslied der Letten“. Въ сборникѣ „Latvėšu lauzi dzėsmas un zinges“ (изд. въ 1844 г.) собиратель этого перваго обширнаго изданія латышскихъ народныхъ пѣсень, пасторъ Бюттнеръ, отличный знатокъ и критикъ по этому предмету, какъ въ предисловіи, такъ и въ приложеніи помѣстилъ необходимыя для изслѣдователя объясненія и замѣчанія о латышскихъ народныхъ пѣсняхъ. О томъ же предметѣ пишутъ: Звайгзните въ „Sēta, daba, pasaule“ (1860 г.),—И. Спрогисъ въ предисловіи своей книги „Памятники латышскаго народнаго творчества. Вильна, 1868“,—К. Кундзинъ въ газетѣ „Baltijas Vēstnesis“ (1871 и 1872 гг.),—Бривземниаксъ въ своемъ сборникѣ латышскихъ народныхъ пѣсень подъ заглавіемъ „О народной поэзіи латышей“ (1873 г.—сочиненіе сопровождается поясненіями и замѣчаніями къ пѣснямъ),—Бюттнеръ въ „Baltische Monatsschrift“ 1874 г. (это—очень подробная, основательная статья),—Аусеклисъ въ „Paidagogiska gada-grāmata“ (Спб. 1876 г.),—Юсминьшъ въ уже упомянутой газетѣ „Baltijas Vēstnesis“ (1879 г.), пасторъ Зандерсъ въ журналѣ „Austrums“ (1892 г.),—Л. Берзинъ („Metrik des lettischen Volksliedes“) въ „Magazin der lett.-liter. Gesellschaft“ (1896 г.) и многіе другіе. Наконецъ, я долженъ здѣсь указать на изслѣдованія І. Зубатаро „O alliteraci v písničích lotyšských a litevských“ въ „Sitzungsberichte der königl. böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Classe für Philosophie, Geschichte und Philologie“. Годъ 1894, Прага, 1895 г., и на мои „Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества. Параллельные тексты и изслѣдованія. I. Народныя пѣсни. Юрьевъ. 1896“. Итакъ, не только Потебня, Мангардтъ и Биленштейнъ въ своихъ сочиненіяхъ касались народной поэзіи латышей, но существуетъ уже цѣлая литература объ этомъ предметѣ на различныхъ языкахъ, что г. Погодину слѣдовало бы знать.

Между сборниками латышскихъ народныхъ пѣсень г. Погодинъ называетъ и изданіе Цимзе (Dzėsmu rota etc. стр. 91), но онъ, повидимому, не знаетъ, что I часть этого сборника содержитъ исключительно переводы нѣмецкихъ пѣсень, а въ слѣдующихъ частяхъ или выпускахъ иногда разбросаны безъ строгаго разбора искусственныя пѣсни между народными. На стр. 96 и слѣдующей г. Погодинъ говоритъ о латышской Лаймѣ и литовскихъ Лаумахъ, по всей вѣроятности, не зная, что и у латышей встрѣчаются Лаумы и у литовцевъ Лайма; далѣе, рядомъ съ Лаймой латышскія народныя пѣсни упоми-

наютъ не только о Деклѣ и Маріи, но и о Картѣ ¹⁾. Декла не можетъ быть, какъ г. Погодинъ предполагаетъ, „просто на-просто св. Теклой (Өеклой)“, тому противорѣчить звуковой законъ латышскаго языка. Рядомъ съ формой *Dēkla* имѣется форма *Dēkle*, вслѣдствие чего *Dēkla* произносится съ узкимъ толкучимъ (*geschlossen*) *é*. Если бы это слово произошло изъ Теклы (*Thekla*), тогда ожидалось бы *Dākla*—съ широкимъ протяжнымъ (*gedehnt*) *ā* (*ā*). Кромѣ того, уже Стендеръ въ своей латышской мѣологій совершенно вѣрно возводитъ *Dēkla* къ лат. глаголу *dēt* (кормить ребенка грудью—*piru dēt*). Изъ *dēt* (лит. *dėti*) образованъ и *dēls* (сынъ) и г. Погодинъ самъ совершенно вѣрно означаетъ Деклу Лаймою „въ особой функціи“ (стр. 98), такъ что нѣтъ никакой надобности ссылаться на св. Теклу (Өеклу), не имѣющую никакой другой связи съ Деклой, кромѣ случайнаго неполнаго созвучія.

Далѣе, какъ понимать выраженіе „сыновья Бога“, о томъ толкуется у Мангардта („Die lettischen Sonnenmythen“) ²⁾, Г. Биленштейна (*Die Dēva dēli—Gottessöhne—des lettischen Volkliedes*) ³⁾, въ моихъ Очеркахъ и т. д. Г. Погодинъ очень ошибается, предполагая, что лат. *Dēva dēli* (сыновья Бога)—„просто поэтический образъ, выросшій, можетъ быть, на почвѣ христіанской“... (стр. 98), ибо они встрѣчаются и у литовцевъ (*Dėvo sunėlei*), у грековъ и индусовъ, и имѣютъ сношенія съ дочерьми солнца, Бога и т. п. Темныя мѣологическія существа, безъ основательнаго знанія какъ латышской, такъ и прочихъ индо-европейскихъ мѣологій, не входя въ болѣе подробный разборъ, просто на-просто объяснять какъ „поэтическіе образы“, это болѣе, чѣмъ дилетантизмъ. На томъ же основаніи можно было бы утверждать, что мѣологій вообще нѣтъ, потому что она, между прочимъ, несомнѣнно—продуктъ поэтическаго творчества.

Большее значеніе г. Погодинъ придаетъ „тѣмъ названіямъ денегъ, которыя мы встрѣчаемъ въ пѣсняхъ“. Здѣсь иногда попадаются—по его мнѣнію—„названія старыхъ нѣмецкихъ монетъ, уже давно вышедшихъ изъ употребленія“. И здѣсь авторъ, къ сожалѣнію, сильно ошибается, потому что всѣ приведенныя имъ на стр. 100

¹⁾ См. Бюттнеръ, 761 и др.;—Арону Матисъ 1882;—*Rakstu kr.* IX, стр. 18;—Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества. 1896 г. Стр. 144—155;—*Magazin der lett.-liter. Gesellschaft.* Митава, 1901. Стр. 185 и др.

²⁾ *Zeitschrift für Ethnographie, Jahrgang 1875.*

³⁾ *Magazin d. litt.-liter. Gesellschaft.* 1896.

нимыя старыя монеты и теперь еще находятся въ обращеніи у простаго народа. Напротивъ, въ содержаніи такой пѣсни, какова, напри- мѣръ: „Кладу голову на межу, отстаиваю землю своихъ отцовъ; пусть лучше снимутъ мнѣ голову, чѣмъ отберутъ отцовскую землю“ (стр. 100), г. Погодинъ могъ бы найти архаическую черту, если бы онъ зналъ латышскую поэзію, исторію и латышскій бытъ.

„Пресловутое шерстяное покрывало villainite“ встрѣчается и те- перь еще въ употребленіи у латышей и г. Погодинъ опять совер- шенно неправъ, говоря, что оно „едва ли не сохранило значеніе лишь символа“ (стр. 102). Далѣе, г. Погодинъ говоритъ, что „въ другомъ направленіи форма *istuba развилась въ ustuba у витебскихъ латышей (стр. 104). У Бютнера онъ могъ бы убѣдиться, что форма ustuba (изба) встрѣчается и въ сѣверо-западно-курляндскомъ говорѣ; „krūtes“ (грудь, стр. 101), „bērnī“ (дѣти, стр. 104), „dēli“ (сыновья, тамъ же), „vēgl-prātīgs“ (легкомысленный, стр. 107), „brīv-prātīgs“ (добровольный, тамъ же), „trijūgs“ (тройка, тамъ же) и др. не имѣютъ протяжной гласной (ū, ē, ā), какъ г. Погодинъ ошибочно пишетъ; но всѣ эти слова произносятся съ толкучею (gestossen) гласною (ú, é, á), стало быть слѣдовало писать: krútes, bērnī, dēli, vēglprātīgs, brīvprātīgs, trijūgs и т. д.

Разсмотрѣвъ сборникъ латышскихъ народныхъ пѣсень (Latvju dainas), г. Погодинъ переходитъ къ нѣкоторымъ другимъ сборникамъ, говоря: „Переходимъ къ другому латышскому изданію съ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ. Это сборники научныхъ комиссій при Рижскомъ и Митавскомъ латышскихъ обществахъ, такимъ образомъ двѣ серіи изданій“ (стр. 104); потомъ: „Переходимъ къ этнографи- ческимъ матеріаламъ“ (стр. 107). Теперь можно бы ожидать, что г. Погодинъ на самомъ дѣлѣ основательно займется этнографическимъ матеріаломъ, однако, г. Погодинъ пишетъ: „Оставляя въ сторонѣ совершенно ненаучныя (sic!) мифологическія построенія г. Лаутенбаха, которыя находятся въ полномъ противорѣчій съ трезвымъ (sic!) и научнымъ направленіемъ журнала, я перечислю въ порядкѣ книжекъ его тѣ этнографическіе сборники, которые мы въ немъ находимъ“.

Въ нѣкоторыхъ выпускахъ упомянутой Рижской научной комиссіи мною помѣщены слѣдующія статьи: Введеніе въ мифологію или старое латышское вѣрованіе (R. кр. IV); О Юписѣ (R. кр. VIII); О богиняхъ судьбы или трехъ Лайминяхъ (R. кр. IX); О литовско-латышскихъ из- слѣдованіяхъ (R. кр. X), и О латышскихъ божествахъ весны (R. кр. XII). Безпристрастный читатель найдетъ въ этихъ статьяхъ много этногра-

фического матеріала. И, напримѣръ, относительно моей статьи „О богиняхъ судьбы“ г. Баронъ, „извѣстный знатокъ и собиратель латышскаго фольклора“, далъ въ своемъ сборникѣ „Latvju dainas I“ хорощій отзывъ и О. Wiedemann ¹⁾ соглашается со мною въ установленіи первоначальнаго значенія Лаймы—божества счастья или судьбы. Итакъ, какъ другіе серьезные ученые воспользовались моими статьями, такъ и г. Погодинъ могъ бы поступить, познакомившись съ моею статьею „О литовско-латышскихъ изслѣдованіяхъ“, гдѣ я распространяюсь о литовско-латышскихъ народныхъ пѣсняхъ, пословицахъ, заклинаніяхъ, ругательствахъ и загадкахъ. Тамъ г. Погодинъ нашель бы тоже богатый этнографическій матеріалъ. Я уже слишкомъ 25 лѣтъ изучаю литовско-латышскій фольклоръ; я отношусь къ предмету систематически и пользуюсь методомъ сравнительной миеологии, и г. Погодинъ не въ правѣ мои работы безъ всякаго доказательства называть „совершенно ненаучными миеологическими построеніями“. Здѣсь умѣстенъ отвѣтъ: „Врачъ, испѣлся самъ“. А что касается до меня, то одобреніе моей научной дѣятельности такими учеными, каковы профессоръ, Бодуэнъ де-Куртенэ, Левъ Мейеръ, Гаусманъ и другіе, и Гельсингфорскимъ университетомъ, командировавшимъ ко мнѣ молодыхъ ученыхъ для изученія литовско-латышскаго фольклора, гораздо важнѣе, чѣмъ мнѣніе, которое имѣеть обо мнѣ г. Погодинъ. Конечно, легче писать безъ „построеній“, безъ систематическихъ изслѣдованій, какъ г. Погодинъ это дѣлаетъ, напримѣръ, въ своемъ очеркѣ развитія латышской этнографіи, гдѣ сообщено все безъ разбора, вѣрное и невѣрное, все, но, къ сожалѣнію, ничего того, что указывало бы „развитіе латышской этнографіи“, хотя бы „за послѣднія пятнадцать лѣтъ“.

Что г. Погодинъ не знаетъ, что такое латышская народная пѣсня, какъ она произошла, не знаетъ, что ея риземъ очень труденъ, что самый лучший теперешній поэтъ не въ состояніи сочинить народной пѣсни, — что г. Погодинъ всего этого не знаетъ, на то указываетъ слѣдующее мѣсто его статьи: „Къ сожалѣнію, только страсть къ миеологизации, вообще присущая народностямъ, у которыхъ трезвая наука еще не успѣла сдѣлать свое критическое дѣло, заставляетъ относиться съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ къ пѣснямъ «миеологическаго» содержанія. Литературный опытъ прошлыхъ временъ у насъ и

¹⁾ См. Beiträge zur Kunde der indo-germanischen Sprachen, 28 т., 1904, стр. 13, прим. 1.

на западѣ доказаль съ полной очевидностью, что даже самые порядочные и честные въ житейскомъ смыслѣ люди не разъ бывали повинны въ мифологическомъ сочинительствѣ, которое въ ихъ глазахъ вовсе не являлось нарушеніемъ какихъ-либо требованій морали, а напротивъ, представлялось высоко патриотическимъ подвигомъ. Вслѣдствіе этого, не въ укоръ будь сказано собирателямъ латышскаго народнаго творчества, которые заслуживаютъ величайшаго уваженія и благодарности, имъ слѣдовало бы относиться съ возможной осторожностью къ опредѣленію пѣсни мифологической и соблюдать скептицизмъ при записываніи таковыхъ. Иначе, не трудно насочинить пѣлый Олимпъ боговъ и богинь, какъ ихъ надѣлалъ, на примѣръ, г. Фекенштедтъ, а изъ латышскихъ писателей хотя бы г. Лаутенбахъ въ своей поэмѣ «Лига». Противъ подобной мифологизаціи, настоящей отравы народнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ воспитывать прежде всего стремленіе къ трезвой мысли, должны были бы возстать всѣ латышскіе литературные дѣятели, просвѣтленные настоящимъ свѣтомъ знанія“ (sic! стр. 108 и 109). Какая тутъ исполинская путаница! Удивительно, какъ могъ ее написать человекъ „просвѣтленный настоящимъ свѣтомъ знанія“. Здѣсь не „свѣтъ“, но тьма „знанія“; здѣсь смѣшаны безъ разбора поэтическіе, нравственные и научные вопросы. Г. Погодинъ начинаетъ говорить о „страсти къ мифологизаціи“ въ народныхъ пѣсняхъ, но притомъ смѣшиваетъ народную поэзію съ искусственной; не отличаетъ опредѣленія и записыванія пѣсни мифологической отъ сочиненія искусственной поэмы и т. д. Г. Фекенштедтъ издалъ литовскія сказки подъ заглавіемъ: „Die Mythen, Sagen und Legenden der Žamaiten (Litauer)“. Можно, пожалуй, сожалѣть, что къ этимъ сказкамъ не прибавленъ и подлинникъ на литовскомъ языкѣ, — что, быть можетъ, нѣкоторыя сказки редактированы не строго критически и т. д.; но утверждать, что г. Фекенштедтъ „насочинилъ, надѣлалъ цѣлый Олимпъ боговъ и богинь“, это — непростительное преувеличеніе. Предполагать, что г. Фекенштедтъ и его сотрудники всѣ эти сказки выдумали, — это было бы то же самое, что предполагать, чтобы любой человекъ былъ въ состояніи сочинить, на примѣръ, Илиаду Гомера, Божественную комедію Данта или Фауста Гёте и т. п. И если я, какъ поэтъ, „въ своей поэмѣ Лига“ касаюсь нѣкоторыхъ мифологическихъ предметовъ — „боговъ и богинь“, то это — не „мифологизація“ народныхъ пѣсенъ, какъ г. Погодинъ невѣрно утверждаетъ. До сихъ поръ ни одинъ „просвѣтленный настоящимъ свѣтомъ знанія“ человекъ не упрекалъ, на примѣръ, ни Жуковского, ни Лермон-

това, что они въ своихъ поэмахъ воспользовались миеологическими сюжетами, и ни одинъ ученый еще не требовалъ доказательствъ, напимѣрь, отъ Лермонтова, жилъ ли, существовалъ ли въ самомъ дѣлѣ, напимѣрь, такой демонъ, какового описываетъ поэтъ? Если г. Погодинъ укоряетъ меня за подобное употребленіе миеологическихъ сюжетовъ, то это — болѣе, чѣмъ странно. Если г. Погодинъ пишетъ: „Противъ подобной миеологизаціи, настоящей отравы народнаго духа, въ которомъ слѣдуетъ воспитывать прежде всего стремленіе къ трезвой мысли, должны были бы возстать всѣ латышскіе литературные дѣятели, просвѣтленные настоящимъ свѣтомъ знанія“, то онъ этимъ обращается противъ всѣхъ поэтовъ, вообще противъ поэзіи и забываетъ, что онъ хотѣлъ говорить о миеологизаціи въ народныхъ пѣсняхъ.

Далѣе г. Погодинъ говоритъ: „До сихъ поръ мы имѣли только изданіе Биленштейна «1000 Lettische Räthsel. Mitau, 1881»“ (стр. 109 и сл.). Неужели только Биленштейна? Допускаю, что г. Погодину трудно было узнать, что Г. Ф. Стендеръ еще въ XVIII столѣтіи издалъ латышскія загадки; но если онъ не знаетъ, что существуютъ „Труды этнографическаго отдѣла. Книга VI. Матеріалы по этнографіи латышкаго племени. Подъ редакціей дѣйствительнаго члена Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи О. Я. Трейландъ. (Бривземніаксъ). Москва. 1881“, гдѣ между прочими очень богатыми этнографическими матеріалами встрѣчаются и загадки (1571), то это болѣе, чѣмъ странно. Положимъ, моихъ сочиненій этнографическаго содержанія на русскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ и другихъ языкахъ г. Погодинъ не хотѣлъ знать, но какая была причина для игнорированія матеріаловъ, опубликованныхъ Трейландомъ? Требовала ли этого „трезвая наука?“

Наконецъ, г. Погодинъ говоритъ: „Разсмотрѣніе трудовъ не латышскихъ ученыхъ по этнографіи латышей въ мой обзоръ не входитъ, но я все-таки назову нѣсколько книгъ, посвященныхъ витебскимъ латышамъ: прежде всего, надо упомянуть объ очень цѣнномъ (несмотря на нѣкоторые промахи въ записяхъ) сборникѣ Э. А. Вольтера „Матеріалы для этнографіи латышкаго племени Витебской губерніи (I часть. С.-Петербургъ. 1890)“. Странно, почему г. Погодинъ здѣсь приводитъ на первомъ мѣстѣ эту работу“¹⁾, а пропускаетъ вообще

¹⁾ Ср. и критику Г. Виссендорфа въ „Magazin d. lett.-liter. Gesellschaft“. Митава. 1897 г.

такую интересную книгу, какова „Die Slawen in Deutschland. Beiträge zur Volkskunde der Preussen, Litauer und Letten, der Masuren und Philipponen, der Tschechen, Mährer und Sorben, Polaben, Slowinzen, Kaschuben und Polen von Dr. Franz Tetzner. Braunschweig 1902“, далѣе, игнорируетъ такія весьма цѣнные этнографическія работы, каковы: „Die alte Waldbienenzucht der Letten“, „Die nationalen Getränke der alten Letten“—А. Биленштейна; „Wie die alten Letten gefreit haben, geschildert auf Grund des Volksliedes und der Volkstradition“ (см. Magazin der lett.-lit. Gesellschaft, Mitau, 1896), „Ueber die Bedeutung des lettischen Volksliedes für die Archäologie (тамъ же, 1901 г.)—Э. Биленштейна и т. д., и т. д., и въ особенности посвященный витебскимъ латышамъ, сборникъ П. Смелтерса „Tautas dzīsmu, posoku, meiklu un raunu Vocaleite“. Рига, 1899 г.

Нельзя не замѣтить, что г. Погодинъ „своей научной подготовкой не былъ призванъ къ освѣщенію“ латышскаго быта, языка, мифологіи и культуры. При такомъ отсутствіи серьезной основательной подготовки со стороны г. Погодина немудрено, что „Очеркъ развитія латышской этнографіи за послѣднія пятнадцать лѣтъ“—выражаясь весьма снисходительно—оставляетъ „еще желать столь многого“. Что въ этомъ „Очеркѣ развитія“ вѣрнаго,—не ново, а что тамъ новаго, то невѣрно.

Я. Лаутенбахъ.